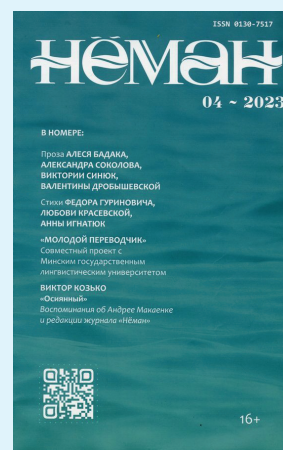
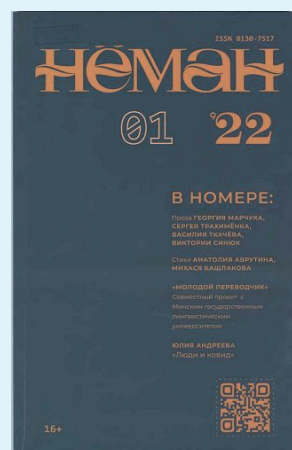
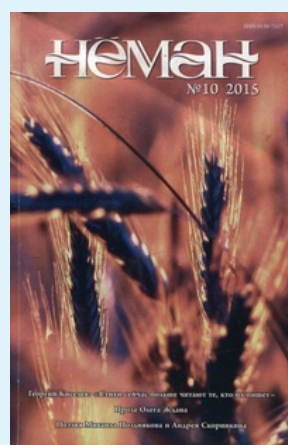
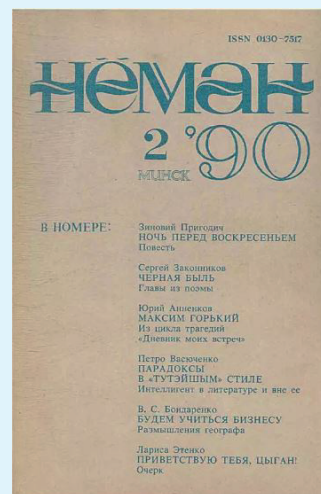
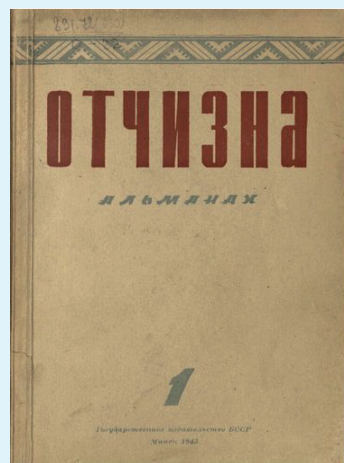

«Нёману» — 80!

Хочется верить, что журнал, созданный дедами и прадедами в далеком 1945-м, по-прежнему будет радовать читателя новыми талантливими произведениями.

НЁМАН-2026

ЧТО ЖДЕТ ЧИТАТЕЛЯ В СЛЕДУЮЩЕМ ГОДУ?

- В рубрике «Наследие» выйдет роман-хроника «Божий дар» Георгия Марчука, где автор поведал о своей жизни, откровенно отвечая на поставленный перед самим собой вопрос: «Считаю ли себя счастливым человеком? Несмотря на непростую судьбу, болезни, потери родных, друзей, коллег, несмотря на собственный эгоизм...». Перевод с белорусского Натальи Марчук.
- Ключ — под коврик? Положить его туда, потому что очень надо, или не положить, потому что небезопасно — не единственная дилемма, возникшая перед героями романа Елены Стельмах «Ключ под ковриком». Перед ними встают куда более серьезные вопросы. И эта, казалось бы, незначительная деталь — ключ под ковриком — станет решающей, когда определяется их жизненный путь.
- В автобиографической повести «Мой Иерусалим» Наум Гальперович расскажет о первых радостях и первых огорчениях, которые являются неперенными спутниками человека, вступающего во взрослую жизнь. Перевод с белорусского Олега Ждана-Пушкина.
- Повесть Елены Поповой «Еще раз о Папе Карло...» — о поисках идеала, точки опоры, того света, который был изначально, когда сказано было: «Да будет свет». Исчезающий, но упрямо появляющийся снова в душе каждого.
- В повести «Письмо домой» Михаил Поздняков расскажет о непростых буднях белорусских пограничников. Перевод с белорусского автора.
- Валентина Кадетова в повести «Запах аира» затронет вечные, но всегда волнующие, темы: любовь, страсть, верность, предательство. Перевод с белорусского автора.
- Федор Гуринович предложит читателю большую серию лирических миниатюр под общим названием «Умение удивляться», объединенных одной темой — любви к родной природе.
- Повести, рассказы, эссе, миниатюры как известных, так и начинающих авторов.
- Стихи Анатолия Аврутина, Геннадия Авласенко, Светланы Быковой, Людмилы Вороновой, Валерия Гришковца, Федора Гуриновича, Валентины Дробышевской, Ирины Захаровой, Тамары Красновой-Гусаченко, Татьяны Лейко, Натальи Михальчук, Татьяны Обуховской, Михаила Позднякова, Елизаветы Полеес, Валентины Поликаниной и др.
- В новой рубрике «Артефакт» читатель познакомится с неизвестным киносценарием Михаила Пташука и Раисы Боровиковой «Люби меня, Индия».
- Зиновий Пригодич предложит цикл бесед с известными творческими людьми: дирижером Александром Анисимовым, художником Виктором Барбанцевым, архитектором Анатолием Шабалиным и др.
- Петр Жолнерович продолжит архивные поиски, связанные с жизнью и творчеством Владимира Короткевича.
- И снова будут радовать читателя новые рубрики: «Литературное путешествие», «Второе дыхание», «Дерзаю сказать», «Памяти друга» и др.
- Встречи с известными публицистами, критиками, литературоведами.
- Рецензии на новые книги белорусских писателей.

НЁМАН

11/2025
НОЯБРЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Владимир Мозго. Стою на страже тишины. Стихи. <i>Перевод с белорусского Елизаветы Полеес</i>	3
Людмила Рублевская. Авантюры Вырвича, Лёдника и Черной Меланхолии. Роман приключенческий и фантасмагорический. 6-я книга серии «Авантюры Прантиша Вырвича». <i>Продолжение. Перевод с белорусского Павла Ляхновича</i>	8
Людмила Воронова. Признание в любви... Стихи	62
Алесь Комаровский. Не шашлыком единым... <i>Кулинарная повесть. Перевод с белорусского автора</i>	68
Ирина Захарова. Не чужая... Стихи	89
«НЁМАНУ» — 80!	
«Как мы пели...» Поэты в «Нёмане». Стихи разных лет	94
«Нёман» вчера, сегодня и завтра... <i>Подготовила Наталия Костюченко</i>	104
Микола Трус. Из когорты главных «неманцев»: Евгений Василёнок	125
Олеся Шамякина. Иван Шамякин и «Нёман»	140
АВТОРЫ НОМЕРА	144

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
Общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
Издательское республиканское унитарное предприятие
«Мастацкая літаратура»

Главный редактор
Наталья Николаевна КОСТЮЧЕНКО

Редакционная коллегия:
Алесь Бадак, Виктор Васильев, Мария Воинова-Стреха,
Вадим Гигин, Александр Коваленя, Тамара Краснова-Гусаченко,
Михаил Поздняков, Елена Попова (председатель),
Олег Пушкин, Николай Чергинец,
Наталья Шарангович, Виктор Шнип

Адрес редакции
Юридический адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: mail@mastlit.by

Почтовый адрес: 220004, Минск, пр. Победителей, 11.
e-mail: neman@mastlit.by
Телефон: 270-84-65

Подписные индексы:
74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 19.07.2021,
выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Издательское республиканское унитарное предприятие
«Мастацкая літаратура»

Технический редактор, компьютерная верстка, дизайн: *Н. А. Артёмова*
Стильредактор: *О. В. Криводубская*

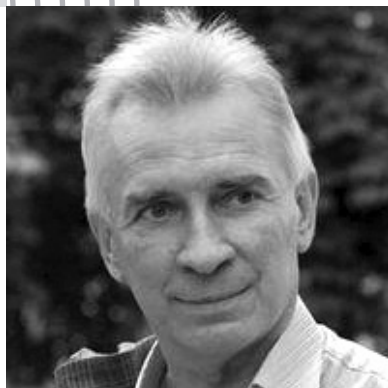
Подписано в печать 10.11.2025. Формат 70×108 $\frac{1}{16}$. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,60. Уч.-изд. л. 10,31. Тираж 550. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов
Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

© Министерство информации Республики Беларусь, 2025
© ОО «Союз писателей Беларуси», 2025
© УП «Мастацкая літаратура», 2025

Владимир МОЗГО
СТОЮ
НА СТРАЖЕ
ТИШИНЫ

Стихи

Такая тишь —
До немоты.
Осветит стены
Зорька.
Форты —
Кровавые бинты
Моей землицы горькой.

И сердце тоже
Станет ныть
От взгляда
От чужого.
Крадется
Сердце опалить
Тревога —

За села все
И города,
И за судьбу
Планеты,
За уходящие года,
За зимы
И за лето.

Стою
На страже тишины,
Чтоб не коснулись
Беды.
И верю
Памятному Дню
Победы.

Людмила РУБЛЕВСКАЯ

АВАНТЮРЫ ВЫРВИЧА, ЛЁДНИКА И ЧЕРНОЙ МЕЛАНХОЛИИ

Роман приключенческий и фантасмагорический.
6-я книга серии «Авантюры Прантиша Вырвича».
Продолжение. Начало в №№ 8—10 за 2025 год

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ПОСЛЕДНИЙ ТАНЕЦ ЧЕРНОГО ДОКТОРА

Французский король Людовик IX по прозвищу Святой придумал еще одно средство обдирать посполитый люд: кто хотел заехать в Париж, который тогда почти весь размещался на острове Сите, должен заплатить. А если к единственному мосту, ведущему на остров, подъезжал балаган, расплачивался обезьяньими монетами.

Это означало — бесплатно продемонстрировать охране свое мастерство, и чтобы балаганная обезьянка непременно погадала жолнерам, вытасила для них бумажки с самыми лучшими предсказаниями.

Карета, которая теплым апрельским вечерком заезжала в имение Бельмонты в Опсе, обезьянок не везла. А везла очень важную даму со злыми синими глазами. Такую важную, что перед ее каретой мгновенно распахнулись тяжелые кованые ворота. Впрочем, услужливости поспособствовало и письмо, переданное охране молодым широкоплечим лакеем, пристроившимся на запятках кареты.

Колеса проехали по луже — наследию недавнего дождя. Лужа была мелкая, воробью по колено, — за парком бдительно следили. Кучер, голубоглазый русоволосый детина в фалендишевой свитке, подстегнул вожжами лошадей.

Далее путь был по горбатуму мосту с коваными перилами — черные железные ветви с золочеными розами — и закончился перед сказочным двухэтажным домиком с острой черепичной крышей, пузатыми балкончиками и белоснежными мраморными колоннами-кариатидами. Дом светлел на маленьком острове посреди озера, будто огромная чудесная лилия.

— Пусть ваша светлость простит — не ожидали вас так быстро, — согнулся в поклоне местный охмистр, нахальный детина со щеками, за которые хотелось ущипнуть. — Его светлость граф Мануцци в отъезде. Но будьте уверены — мы получили все необходимые распоряжения и устроим вашу светлость наилучшим образом.

Людмила ВОРОНОВА

ПРИЗНАНИЕ В ЛЮБВИ...

Стихи

ТРОПЫ

Милая Родина, к сердцу прижатая!
С белой березкой, с бревенчатой хатюю,
Солнцем согретая, счастьем умытая,
Ты никогда мной не будешь забытая!

Поле ржаное приветливо щурится,
В серости будней ссутулилась улица.
Даль синеокая, старость презревшая,
Смотрит с надеждой на поле созревшее.

Трель соловья заливает околицу.
На перекрестке — капличка. Помолится
Путник седой, ностальгией измученный,
В поисках счастья к чужим не прирученный.

Запахи детства: парное с доеночки,
Белый налив на цветастой клееночке,
Бабка из печки в морозы трескучие.
Памяти свечки и греют, и мучают...

Сердцу легко. Мысли тяжкие бременем
Давят на плечи, возвращенные временем...
Меньше смотрю нынче вверх, больше — наземь.
Тропы ушедших как надписи вязью...

КОЛЬ НЕТ В ДУШЕ НИ ЖАЛОСТИ, НИ ГРУСТИ

Коль нет в душе ни жалости, ни грусти
К тому, что прожил или не сберег,
Ты вспомни край в далеком захолустье,
За перекрестком мыслей и дорог.

Алесь Комаровский

НЕ ШАШЛЫКОМ ЕДИНЫМ...

Кулинарная повесть

Огромный деревянный половник больно толкнул Данилку в плечо. Мальчик с перепугу полусонно захлопал ресницами, мгновенно вскочил с перевернутой кадки, словно его застали за чем-то непозволительным.

— Неси! — две жирные складки на подбородке главного повара передернулись, маленькие маслянистые глазки зло сверкнули из-под надбровий, устались на серебристый поднос, на котором лежали тушеные перепелки в сливочной подливе.

Данилка подхватил поднос и осторожно ступил в переход. Под кожаными подошвами ботинок скрипели широкие сосновые половицы, тусклые лучины на догоравших огарках свечей колыхали желтоватые языки огня с черными тяжами дыма. В проемах перехода затаенно стыли невидимые вои в сетчатых кольчугах с мечами и бердышами. Данилка хотя и не видел их, но знал, что они здесь, за этими каменными стенами, готовые в каждое мгновение переступить дорогу, не пустить в святую святых князей Радзивиллов.

В конце перехода широкая дубовая дверь с коваными завесами открылась, и чья-то рука из-за косяка ткнула в воздух длинным указательным пальцем:

— Туда!

Данилка еще сильнее прижал к себе поднос и осторожно, маленькими шажками, прямым построчил по расписанной кафельной плитке к открытым дверям соседнего зала, откуда слышались раскатистые голоса.

Стольник, худой, как отроду некормленный, высоченный, может, под три аршина, встряхнул густой шапкой кудрявых волос и, приставив упругую ладонь к худым Данилкиным лопаткам, указал направление нескладному телу мальчика:

— С края!

Данилка направился к краю стола, аккуратно поставил поднос на льняную с золотистыми вышитыми цветами скатерть и мгновенно окинул взглядом захмелелое застолье...

Широкие дубовые столы стояли вдоль трех стен. Середина зала и одна сторона его там, где вынырнул Данилка, были свободные. За самым

длинным столом посередине сидел Радзивилл. По обе стороны от него сидели родные и близкие, дальше — уважаемые приглашенные гости. Все размещались по одну сторону стола, от стены. Со второй стороны сновала прислуга, поднося питье и закуску. Между золотистых амфор с заморскими винами, между емистых корчаг с пивом, между стеклянных и глиняных штофов с медовухой, голубым ликером, настоенном на тысячелистнике, напитками с ежевикой, черникой и разными травами, между глазурованных горлачиков с кленовиком и березовым квасом, между затейливых бутылок и кварт с разной водкой — миндалевкой, мелисовкой, тминовкой, айровкой, мятной — стояли позолоченные подносы с тушеными медвежьими лапами в винном соусе. На мелких деревянных ладейках краснели нарезки сыровяленых ветчины и поленд-вицы, маняще вылеживались сначала вымоченные в настоях трав, а потом копченые полоски мяса тура и стружастые закрученцы из бедер лани и косули. Тушеные утки, рябчики и бекасы в чесночной подливке, украшенные ветками зеленого укропа, кажется, так и тянули свои запеченные коленца к ненасытным рукам гостей. Закольцованные свиные и лосиные колбасы кручинились на берестяных плетяницах. Натертые хреном, на продолговатых глиняных латушках горбатились запеченные кабанчики с зажатой морковью в рылах, с разукрашенных мисок показывали белые ножки и коричнево-черные головки маринованные боро-вики, розовыми пластинками обольщали соленые рыжики. В серебряных полулодочках застыли в заливке фаршированные щуки и осетры. На дубовых планочках змеились копченые, вареные и маринованные угри, ожидая острого лезвия. В расписных позолоченных салатницах зернисто крупенилась лососевая и щучья икра. В глиняных полумисках в подливке из душицы и мяты лежала утушенная печень налима... На фарфоровых лодочках, кажется, плыли к уцепистым вилкам лосиные губы и бобровые хвосты, вымоченные в винном уксусе. В позолоченных тарелках-спарышах застыли фаршированные изюмом и орехами жаворонки и малиновки, звонкие и малюсенькие, что недавно словили восход солнца и величие неба, украшали тушеные языки заморских павлинов. В вырезанных дубовых латках от прикосновения острого ножа, кажется, напрягались коричневатые тушки гусей. Их, откормленных и ленивых (Данилка даже вздрагивал, вспоминая это), топили в воде, чтобы не пускалась кровь, окатывали кипятком, чисто общипывали. Доставали внутренности. А в середину еще теплого тела из решета вываливали в емкую мису черных пивяков, промытых холодной водой. Попав на гусиное мясо, вертуны присасывались к боковинам, ползли одна за другой, искали свободные лапки. Ловкие руки служанок сыпали чеснок, кориандр и тмин, зашивали гусиный живот, клали на широкую жель к таким же родичкам и несли на кухню, где их ждали соль, приправы и печь. Через часа два из устья печи выезжала гусиная кровянка.

Если с тем, что попадало на застолье из леса, воды, хотя это были Божьи создания, Данилка еще мирился, то когда ради гостей отлавливались белые или черные лебеди, красивые, как маленькие каравеллы, с длинными изогнутыми шеями, доверчивые к человеческим рукам, сердце мальчика щемило от боли. Главный повар, зная это, посылал заплаканного Данилку чистить стерлядь и осетров, привезенных с Припяти или Днепра. А лебеди, фаршированные мясом зайца и гусиной печенью, обмазывались сладким тестом, в которое хитро вплетались веревочки, обтыкались, как и было, перьями и запекались на малом

жару. На стол они «приплывали» по двое на больших подносах-лотках, как живые, казалось, вот-вот готовые сорваться в открытое окно и улететь на замковое озеро. Но это было только желание Данилки. Концы веревочек дергались умелой рукой, складывали перья, как японский веер, оголив аппетитные бока и спину...

Красные раки, отваренные в котлах с приправами, протягивали гостям своими клешнями веточки сочной зелени. Между большой посудой ютились стеклянные мисочки с белым и малиновым хреном, взбитой на меду сметаной, и почти не были видны под разворотами краев широких блюд масленицы, сахарницы, перечницы...

Но захмелевшая шляхта и вельможные гости с особенным нетерпением ждали поджаренного лосося, время от времени бросая взгляды на приставленный стол, куда ляжет это лакомство. Данилка знал, как тяжело давалось приготовление этого огромного блюда. За день главный повар из спелых оливковых плодов сам доставал косточки и заменял их анчоусами, которыми наполнял тушку жаворонка. Небесный певец ложился в перепелку, а перепелка запихивалась в утку, утка ныряла в живот каплуна — откормленного на мясо петуха, который заезжал в живот фазана... Все это посыпалось приправами, смазывалось медом, поливалось винным уксусом, обкладывалось душистой зеленью. Фазана уже ждал подсвинок, который попадал в живот лани. Здесь уже в дело шла соль и множество других приправ и трав. Чернослив без косточек и дольки сладких яблок заполняли нутро рыластого полугодовалого поросенка. Животы и грудины зашивались воловьими жилами. И наконец лань клалась в брюхо двадцатипудового лосося... Самыми вкусными в этом многократном жарком, как утверждал главный повар, были жаворонки и перепелка, нагретые всеми соками и набрякшие парами большого количества приправ.

Данилка понимал, как выжиливались ловчие, рыскали по пуще, чтобы поздней осенью встурить нагулянного жирного медведя, загнать в облогу лосося или косулю. Слышал зимой от них, когда забегали на кухню погреться похлебкой или отваром, как нелегко проходила охота: со смертельным исходом и искалечением. Да и видел, как привозили из леса звериные туши, ошкуривали их, свеживали и тянули бедра в ледовню. Не меньше забот было и у птицеловов. Они, как лесные привидения, тихо бродили в зарослях и подлесках, слонялись по берегам рек и озерных заводей, проверяя сети, силки и петли, также рискуя напороться на хищные клыки и когти, ползали по дресве, выслеживая перепелов, куропаток и жаворонков, или со стаей гончих собак носились верхом на конях по болотине и редколесью. Рыбаки напрягались, вытягивая набухшие веревки неводов, минуя перекааты и мели, ища глубокие ямы, где держалась крупная рыба, лазили по старицам и озерах, мокли под дождем, пеклись под жарким солнцем, коченели от трескучего мороза... Огромные меха язей, лещей и щук, форели и окуней, увесистых сомов заполняли столы разборочной, где женские руки чистили чешую, доставали внутренности, вырывали жабры, мыли и что-то опускали в ледовню, что-то солили и потом отправляли в копильню. Ту рыбу, что не водилась здесь, привозили с моря, другую живой держали в прудах до следующего бала.

Данилка слышал, видел и знал... Его любопытные глаза и уши...

Чьи-то цепкие пальцы больно крутнули за мочку уха, вернули к столу:

Ирина ЗАХАРОВА
НЕ ЧУЖАЯ...

Стихи

РОДИНА МАЛАЯ

Родина малая. Радость великая.
Тихое полюшко, тихая рощица.
Нежное солнце в ладошке с черникою,
Словно малиновка, в речке полощется.

Воздух рябиновый. Стаи гусиные,
Теплые ливни. Листва перепрелая.
Клюква в траве и грибы под осиною,
Дымка туманная, изморозь белая.

Полные ведра с водою прозрачною,
Иней на окнах и печка протоплена.
С пылу и жару драники смачные
Маминой свежей сметаною сдобрены.

Ранней весной по росной околице
Трактор летит, над ухабами прыгая.
Колокол звонко поет Богородице —
Родина малая. Радость великая!

Комар не пискнет, мышь не прошуршит,
А где-то слышно, слышно на селе,
Как русскую гармошку тормозит
Беспалый гармонист навеселе.

Земля черна, черна как уголек.
Трещит в печи березовый огонь.
Скупая ночь летит с колючих щек,
С колючих щек на русскую гармонь.

Притих в печи осколок мировой,
И Родина беспалая тиха.
Лишь гармонист нетрезвою рукой
Растягивает трезвые меха.

«Как мы пели...»

Поэты в «Нёмане»

Стихи разных лет

*80 лет — журналу «Нёман». 80 лет — Великой Победе.
И сегодня мы бесконечно благодарны тем писателям,
публицистам, многие из которых, пройдя с боями до Бер-
лина, сменили военную одежду на гражданскую, чтобы
послужить литературе, а также оставить для нас описание
непростого военного и послевоенного времени.*

*Дорогой читатель, мы выбрали для вас стихи поэтов,
опубликованные в «Нёмане» в разные годы: от 1945-го
до наших дней. И все же: как мы пели... И будем петь!..*

Пимен Панченко

ВЕРХОЛАЗЫ

Звезды сварки от земли неблизко,
Возле самых облаков, зажглись.
Телемачту новую над Минском
Верхолазы поднимали ввысь.

Как их разглядишь в небесной дали?
Тут орлиный требуется взор.
Девушки, однако, твердо знали:
Мастера — красавцы на подбор.

Продавщицы в эти дни в киосках,
Запустив торговлю, расцвели,
Поправляли модные прически,
Словно сверху видеть их могли.

А высотники стальным узором
Оплетали солнце, синий свод.
Мастерам с обширным кругозором
Видно очень многое с высот.

Видно им, как широко и бурно
Минск растет, республике под стать.
Это вам не выйти на трибуну
И доклад о росте прочитать.

Вон сады, а там вдали — заводы,
 Линии трамвайной вьется нить.
 Мирные деяния народа
 С той вершины легче оценить.

Нам, поэтам, обрести бы надо
 Кругозор такой, высокий взлет.
 Не терплю я в жизни верхоглядов,
 Верхолазам — слава и почет.

*Перевел с белорусского Яков Хелемский.
 «Нёман» № 3, 1957 год*

Наум Кислик

КАК МЫ ПЕЛИ

Когда-то —
 двадцать лет назад —
 я запевалой был во взводе...
 Поешь,
 а бабы голосают.
 Не губы сводит —
 душу сводит.
 И голос ломкий у тебя,
 Мальчишеский,
 а нужен грубый...
 Надгробья мира и тепла —
 торчат в полях печные трубы.
 Размерно всхлипывает гать,
 лес придвигается
 аукать.
 Ах, по команде запевать
 совсем не легкая наука!
 Нет, я словами не пылю
 и ни на что не намекаю,
 я пел с охотой,
 петь люблю,
 я пел без всяких понуканий.
 Но я гляжу туда,
 вперед,
 за горы, годы и сраженья,
 куда придет, придет мой взвод,
 не сам,
 а только отраженье.
 Где будут миллионы глаз,
 а мы, как на экране —
 крупно.
 И что на песню был приказ,
 их понимаю
 недоступно.

Краса тропинки невеликой,
села родного скромный вид,
писк птенчиков, куст ежевики...
И жито светлое шумит.

Покуда дышишь ты, планета
вовеки не иссякнет, нет,
Душа народа и поэта,
где жито излучает свет.

*Перевела с белорусского Римма Казакова.
«Нёман» № 9, 1984 год*

Валентина Поликанина

Для добрых дел земных — широко полюшко.
Ох, порадеть бы нам о тех делах.
Мы — только зернышки,
Мы — только зернышки,
Сухие зернышки в Твоих руках.

Спеша и падая, идем по краешку.
Судьба беспечная — на волоске.
Мы — только камешки,
Мы — только камешки,
Глухие камешки в Твоей реке.

Тоска нездешняя, печаль кромешная
Не научили жить с душой в ладу.
Мы — только грешники,
Мы — только грешники,
Слепые грешники в Твоем саду.

Живем — не молимся на ясной зорюшке.
Беда приходит к нам, ей — хлеб да соль.
Мы — только горюшко,
Мы — только горюшко,
Земное горюшко Твое да боль.

В траве растут кресты, грустят березоньки
Да льется кровушка на образах.
Мы — только слезоньки,
Мы — только слезоньки,
Живые слезоньки в Твоих глазах.

«Нёман» № 7, 2003 год

Бронислав Спринчан

ОГОНЬ НАДЕЖДЫ

На Полесье мы огонь везли —
Благодатный, от Господня гроба,
В церкви, отрываясь от земли,
Шли на встречу с нами хлебоборбы.

Пламенел сентябрьский небосвод
Розово, лазорево, лилово.
В сотах золотой пахучий мед
Нам дарило Буда-Кошелево.

Был благословеньем осиян
Путь к святыне, где святыя мощи, —
Тут, в Корме, Кормянский Иоанн
Нам придал своей духовной мощи.

В Хойники приехали с дождем,
С опозданием. Темень, полночь скоро...
— С вечера огонь священный ждем! —
Люди говорили без укора.

Колокол исторг тугую звень, —
В сердце боль толкнулась, как отдача,
И полесскою стеною плача
Встала карта мертвых деревень.

А потом — прекрасное виденье:
Мощный человеческий монолит.
Обжигает жаждой возрожденья
Страстный вечевой глагол молитв.

Свет струили тысячи свечей,
Превращали трепетные блики
Лица прихожан в святыя лики,
Угли глаз — в сияние очей.

В Турове, когда крестом своим
Осеньял нас Туровский Кирила,
Чем-то вечным, вещим, дорогим
Вяло, душа светло парила.

Землепашцы близлежащих сел
Перекрыли нам дорогу в полдень,
Чтобы их лампад не обошел
Исцеляющий огонь Господень.

«Нёман» вчера, сегодня и завтра...

НЕМНОГО ИЗ ИСТОРИИ ЖУРНАЛА

80 лет — Великой Победе. 80 лет — «Нёману». «Нёман» — ровесник Победы... Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал «Нёман» — главный старейший русскоязычный бренд страны, пропагандирующий все лучшее, что создается в сфере литературы и искусства, — сегодня юбиляр. Писатели не одного поколения благодаря журналу приходили к читателю с новыми переводами с белорусского и других языков и оригинальными произведениями на русском.

Большей частью сохранен архив журнала, что оставляет реальной возможностью почувствовать дыхание той эпохи: середины и конца двадцатого столетия — и понять, перелистывая пожелтевшие страницы, чем жил наш народ, о чем мечтал и к чему стремился.

И вот, спустя восемьдесят лет мы, потомки, бесконечно благодарны тем писателям, публицистам, многие из которых сменили военную одежду на гражданскую, чтобы послужить литературе, а также оставить для нас описание непростого послевоенного времени.

К сожалению, постановление ЦК партии о создании журнала не найдено. Но в 2005 году (в то время редакцией руководила Нина Тимофеевна Чайка) в Национальной библиотеке Беларуси работники «Нёмана» отыскали первый номер альманаха русской секции Союза Советских писателей БССР «Отчизна», подписанный к печати в ноябре 1945 года. Альманах вышел под редакцией писателей Кондрата Крапивы, Михася Климовича, Ефима Садовского, журналиста и общественного деятеля Василия Самутина, когда большая часть столицы Беларуси лежала в руинах. Именно осень послевоенного 1945 года считается официальной датой рождения «Нёмана».

В 1946 году, когда вышел второй номер альманаха «Отчизна», была заложена традиция знакомить читателей с лучшими образцами белорусской литературы, которая продолжается и в наши дни. Этот номер порадовал переводами произведений одного из зачинателей новой белорусской литературы поэта Франтишка Богушевича.

В 1947 году вышел третий номер альманаха, но уже под названием «Советская Отчизна». Была создана отдельная рубрика «Переводы стихотворений белорусских поэтов». Кроме поэзии и прозы, в номере появились критические статьи и публицистика. Теперь в альманахе были полноценно представлены переводы с белорусского языка. Читатель получил возможность знакомиться не только с переводами произведений уже известных писателей: Янки Купалы, Якуба Коласа, Михася Чарота, Максима Танка, Михася Лынькова, — но и открывать для себя такие имена, как Анатолий Астрейко, Янка Брыль, Василий Быков, Арка-

дий Кулешов и другие. Сегодня их творческое наследие — бесценное достояние страны.

Однако какое-то время альманаху не удавалось обрести популярность среди читателей. Он выходил редко, один раз в год. Авторы не хватало. Сказалась и ситуация, затронувшая национальную элиту в тридцатые годы, немало жизней талантливых писателей унесла и Великая Отечественная война.

Но постепенно альманах «Советская Отчизна» стал укрепляться в статусе литературно-художественного. В 1950 году он вышел два раза, а в 1951-м — стал органом Союза советских писателей БССР. С 1952 года альманах уже выходил шесть раз в год. А в 1956-м «Советская Отчизна» получила статус журнала.

Популярность издания набирала обороты. Творческая жизнь в нем закипела. А так как он издавался на русском языке, то постепенно становился востребованным не только в Советском Союзе, но и в других странах: Польше, Болгарии, Югославии, Чехословакии, Германии, Франции...

Особым событием в истории издания стало Постановление секретариата ЦК КПБ от 20 ноября 1959 года о переименовании с 1 января 1960 года журнала «Советская Отчизна» в журнал «Нёман».

Вот как об этих событиях вспоминал Георгий Попов, работавший тогда в журнале ответственным секретарем: «Альманах или журнал «Советская Отчизна» мог выходить где угодно. В Калининграде и Петропавловске-на-Камчатке, например. А хотелось написать на обложке что-то свое, единственное и неповторимое. Я поделился своими соображениями с Евгением Василёнком (тогда главным редактором «Советской Отчизны»). Тот отнесся к идее с прохладцей: «Стоит ли?...» Я стал убеждать, что стоит. Василёнок продолжал колебаться: «Надо подумать, посоветоваться в Союзе писателей, поговорить с Коноваловым, как он посмотрит...» Когда Василёнок ушел в отпуск, я сделал то и другое, то есть посоветовался в Союзе писателей с Иваном Шамякиным и поговорил с Коноваловым, который тогда работал заведующим отделом культуры ЦК КПБ. Оба они были единодушны: «Да, надо менять название! Вносите предложение!»»

И вот «Нёман» становится полноценным литературно-художественным и общественно-политическим журналом, а с 1966 года — издается двенадцать раз в год, то есть выходит каждый месяц.

В разные годы журнал возглавляли такие выдающиеся писатели, как Иван Шамякин (1952—1953), Михась Калачинский (1953—1954), Пимен Панченко (1954—1958), Евгений Василёнок (1958—1966), Андрей Макаёнок (1966—1977), Анатолий Кудравец (1978—1997), Алесь Жук (1997—2002).

С 1966 года, с приходом на должность главного редактора Андрея Макаёнка, талантливого драматурга, чьи пьесы ставились не только в Советском Союзе, но и за его пределами, «Нёман» приобрел необычайную популярность. Журнал меняет не только внешний вид, но и содержание. Начинается активный поиск интересных и серьезных авторов, идей, тем. А поскольку издание распространялось по всей территории Советского Союза и дальше, то оно должно было достойно представлять Беларусь. В «Нёман» приходили не только известные писатели, но и начинающие, а также публицисты, ученые. Такие имена, как Вячеслав Адамчик, Василь Быков, Петрусь Бровка, Янка Брыль, Иван Мележ, Аркадий Кулешов, Владимир Короткевич, Борис Саченко, Алесь Савицкий, Иван Шамякин, привлекали к журналу все новых и новых читателей.

«НЁМАН» В МОЕЙ ЖИЗНИ. ГОВОРЯТ АВТОРЫ

Алесь Карлюкевич, писатель, краевед, литературовед, журналист. Председатель Союза писателей Беларуси, директор издательства «Беларусь»:

«Каким хотелось бы видеть «Нёман» в будущем? Давайте помечтаем. Журнал должен быть тиражным, богатым по содержанию. Для этого следует сделать его и больше по объему... Но это мечты. Под силу будет и редакции, и авторскому активу достичь желаемого лишь в том случае, если изменится отношение общества к печатным периодическим изданиям, к печатной, бумажной книге. Сегодня я могу только восхищаться тем, как маленький редакционный коллектив, издательство «Мастацкая літаратура» сообща делают все возможное для сохранения журнала. Это настоящий художественный, редакционный подвиг!

Если поговорить о литературно-художественном пространстве, то уход от бумажной версии издания — это уход не просто от традиции, а скорее — гибель... В погоне за читателем, в стремлении любыми путями сохранить связь с ним мы забываем какие-то самые главные, самые важные составляющие. А самое главное — это следование высоким традициям, заложенным поколениями предшествующих редакций журнала. Традиций, которые спокойно, без лишних слов, формировали Андрей Макаёнок, Владимир Машков, Георгий Попов, Бронислав Спринчан, Владимир Жиженко, Аркадий Савеличев, Анатолий Кудравец, Алесь Жук, Владимир Яговдик, Ирина Шевлякова, Юрий Сапозков, Олег Ждан, Виктор Правдин, Алексей Черота, Алесь Бадак, Елена Мальчевская... «Нёман» всегда отличала высокая художественная культура. Журналу не хватало белорусского пространства, поэтому главреды смело печатали авторов из других городов и весей. Были периоды, когда издание очень внимательно относилось к публикациям произведений авторов мировой известности. Классический пример — публикация романа Габриэля Гарсиа Маркеса «Осень патриарха». Переводчиками выступили Валентин Тарас и Карлас Шерман. «Нёман» с публикацией этого легендарного произведения сразу вырос в тираже.

Журнал на бумаге — это настоящая библиотека, это возможность сохранять читательскую культуру, укреплять единство человека пишущего с человеком читающим.

Нужны ли журналу новые форматы? Новинки ради новинок — не самая главная цель... Мне не хватает в журнале настоящей публицистики и хорошей литературно-художественной критики. Если говорить о настоящей публицистике, то жду, что в «Нёман» придут авторы, способные высказаться о нынешней бездуховности общества, о том, куда же все-таки человек двигается, способны ли будут наши дети и внуки сами не превратиться в послушных роботов цифровизации. Может быть, есть в Беларуси академики, ученые, пишущие и думающие...

«Нёман» читаю давно. Со школьного времени. Сначала брал журнал в библиотеке. Потом, когда жил далеко от Беларуси, во второй половине 1980-х годов выписывал «Нёман». В памяти — публикация «Повести для себя» Бориса Микулича. А в 1990-е уже, случалось, кого-то из белорусских авторов открывал по публикациям переводов их произведений. Всегда получал удовольствие, когда находил на страницах «Нёмана»

повести, рассказы Олега Ждана, Елены Поповой, Сергея Трахимёнка. В «Нёмане» впервые прочитал и Николая Чергинца.

Мое пожелание нынешним редакторам «Нёмана»: ищите своих авторов, знакомство с которыми позволит читателю оставаться с журналом, ждать новых произведений от уже полюбившихся прозаиков, поэтов, драматургов.

Хочу, чтобы данное издание продолжило оставаться в общем фарватере развития современной белорусской литературы».

Виктор Шнип, поэт, прозаик, переводчик. Заместитель директора издательства «Мастацкая літаратура», главный редактор журнала «Полымя», член редколлегии журнала:

«Когда впервые я напечатался в журналах «Маладосць», «Полымя» и «Беларусь», а это были 1979—1981 годы, решил сходить со стихами в журнал «Нёман». Меня не смущало, что он издается на русском языке, а я пишу по-белорусски. Я читал журнал и знал, что там печатаются переводы. Переводов моих стихов у меня не было. Было желание напечататься в «Нёмане». И я пошел в редакцию. Это был 1982 год. В отделе поэзии в то время работал Бронислав Петрович Спринчан. Встретил он меня хорошо. Почитал стихи, указал, какие строчки надо исправить, расспросил, где учился, что читаю, где печатался. Я сказал, что хожу на литобъединение при газете «Чырвоная змена», что в издательство «Мастацкая літаратура» Рыгору Бородулину отдал рукопись своей первой книги и что при Воложинской районной газете «Працоўная слава» создал литобъединение «Рунь» и теперь руковожу им. Разговаривали долго. Может, целый час. Мне не было куда спешить. Я тогда нигде не работал и не учился. Жил за гонорары. В конце нашей беседы Бронислав Петрович сказал, что я могу еще приходить к нему с новыми стихами.

Слева направо: (?), Андрей Макаёнок, Бронислав Спринчан, Аркадий Савеличев, Георгий Колас, Владимир Жиженко. Редакция журнала «Нёман». 1970-е годы. Фото из архива Вадима Спринчана

Микола ТРУС

Из когорты главных «неманцев»: Евгений Василёнок

Многолетний путь существования «Нёмана» связан с именами известных деятелей культуры, представителей редакторского коллектива. Узнаваемый творческий облик журнала сформирован произведениями нескольких поколений авторов.

Евгений Василёнок (1917—1973) возглавлял редакцию в 1958—1966 годах. Восьмилетний период стал веховым в истории периодического издания: журнал «Советская Отчизна» был переименован в «Неман» (тогда без буквы «ё» в названии¹). Изменилась и периодичность: с 6 на 12 номеров в год.

Сведений о писателе, некогда возглавлявшем один из ведущих журналов Беларуси, сохранилось не много, в основном они носят справочный характер. Сохранившиеся документы помогут восполнить существующую информационную и содержательную лауну.

В 1974 году личный архив писателя был приобретен Фундаментальной библиотекой имени Якуба Коласа Академии наук БССР². Большую часть документов составляет переписка с деятелями культуры и науки, в гораздо меньшем количестве представлены творческие материалы. В настоящее время фонд № 8 «Василёнок Евгений Петрович» насчитывает 115 единиц хранения за 1934—1973 годы.

Хронологический отсчет материалов связан с записной книжкой Евгения Василёнка, с его ранними стихотворениями, датированными 1934—1937 годами, а также разного рода писательскими заметками.

Евгений Василёнок. 1960-е годы

¹ Буква «ё» появится в логотипе только в № 1 за 1988 год. Но далее (кроме цитируемых источников) мы будем использовать утвердившееся название с «ё» — «Нёман».

² Современное название учреждения — Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси; сокращенно — ЦНБ НАН Беларуси.

Олеся ШАМЯКИНА

Иван Шамякин и «Нёман»

1945 год, год Великой Победы над фашистской Германией. Закончилась самая кровопролитная война XX века. Страны Европы постепенно переходили к мирному восстановлению. В СССР, который больше всех пострадал в годы войны, также шли масштабные преобразования. Домой возвращались фронтовики, активно включались в мирную жизнь. Вернулся к жене и ребенку и Иван Шамякин, прошедший всю войну с первого дня и до победного ее окончания. Вернулся на Гомельщину, в деревню Прокоповка, где жила семья. Устроился работать учителем в школу, был избран секретарем партийной организации. В свободное от работы время писал рассказы, а самое главное — начал работу над романом «Глыбокая плынь» о партизанском движении в Беларуси, впоследствии отмеченного Государственной премией (во время присуждения премия еще называлась Сталинской. — *О. Ш.*). Стремление к творческой работе и желание быть в центре литературной жизни подтолкнули Ивана Шамякина к переезду в Минск. В 1948 году писатель поступил в Высшую партийную школу и переехал с семьей в столицу.

Это было время, в которое не только восстанавливались города и села, но и активно шла работа по созданию новых газет и журналов, издательств и редакций. Так, в 1945 году начал издаваться альманах «Отчизна», который вскоре стал «Советской Отчизной», а после — журналом «Нёман».

После окончания Высшей партийной школы Иван Шамякин стал работать на редакционно-издательской ниве — старшим редактором Белорусского государственного издательства. А в 1952 году был назначен главным редактором альманаха «Советская Отчизна». О своей работе в альманахе писатель зафиксировал в дневниках, которые вышли под названием «Роздум на апошнім перагоне», следующее: «“Отчизна” мяне не грэла, не любіў я чытаць чужыя рукапісы, рускамоўных аўтараў было безліч, і нямала сярод іх яўных графаманаў. Здаецца, у пачатку 1953 года я звольніўся, перайшоў на вольны хлеб. Цяпер думаю, што гэта ад самаўпэўненасці, ад перабольшання сваіх творчых магчымасцей: пражыву з ганарару. Сталінская прэмія як бы давала гарантыю. Не лічу разумным свой крок. Андрэй [Макаёнак. — *О. Ш.*] пакінуў «Нёман» (тая ж былая «Советская Отчизна»), калі яму падбіралася пад шэсцьдзясят і ён стаў саюзнапрызнаным драматургам, атрымоўваў збораў ад спектакляў па 5—8 тысяч у месяц. А са мной адбылася метамарфоза: пастарэўшы, я баяўся пакідаць службу, не меў упэўненасці, што пракармлю сваю вялікую сям’ю з ганарару. А сям’я расла: у 1950 годзе нарадзіўся сын Саша. Трое дзяцей!»

Эта запись сделана 4 января 1991 года. Можно предположить, что некоторая доля сожаления о прекращении работы в «Советской Отчизне» сохранилась у Ивана Шамякина на протяжении всей жизни.

МОЗГО Владимир Минович. Родился в 1959 году в городском поселке Зельва Гродненской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, переводчик, публицист. Автор двух десятков книг поэзии и детской литературы. Лауреат Национальной литературной премии Республики Беларусь, премии Федерации профсоюзов Беларуси и республиканского литературного конкурса «Золотой Купидон». Живет в Минске.

РУБЛЕВСКАЯ Людмила Ивановна. Родилась в 1965 году в Минске. Окончила Минский архитектурно-строительный техникум, филологический факультет Белорусского государственного университета, училась в Литературном институте имени А. М. Горького (Москва). Поэт, прозаик, журналист, литературный критик. Автор многих книг поэзии и прозы. Лауреат Национальной литературной премии Беларуси. Живет в Минске.

ВОРОНОВА Людмила Викторовна. Родилась в 1962 году в деревне Золотеево Зельвенского района Гродненской области. Окончила исторический факультет Белорусского государственного университета, факультет культурологии Республиканского института высшей школы при БГУ. Поэт, прозаик. Выдала ряд сборников стихов и песен. Работает в жанре авторской песни. Лауреат республиканских и международных литературных премий. Живет в Минске.

КОМАРОВСКИЙ Алесь Адамович. Родился в 1947 году в деревне Миколаевщина Столбцовского района Минской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт, прозаик. Автор книг «Пачатак», «Зямля маіх надзей», «Валошкі памяці», «Азбука жыцця» и др. Живет в Минске.

ЗАХАРОВА Ирина Олеговна. Родилась в 1983 году в Минске. Окончила агроинженерный факультет Белорусского государственного аграрного технического университета. Лауреат нескольких литературных конкурсов. Пишет стихи и прозу для взрослых и детей. Живет в Минске.